

Журнал журналов [Zhurnal zhurnalov]. No. 5 [1906]

Sankt-Peterburg: N.P. Malinovskii, [1906]

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/E6TC2EPLWKXZL83>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

Годъ I.

Гл. Контора и Редакція - Невскій пр. 94. кв. 8.

№ 5.

ЖУРНАЛЪ

Цѣна

10 коп.

ЖУРНАЛОВЪ

Тема Гр. В.

„ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.“

Рис. Стрижъ.

Отъ редакціи.

Рукописи и рисунки для „Журнала-Журналовъ“ должны быть съ обозначеніемъ желаемого гонорара и за подписью автора. При неисполненіи перваго условія—размѣръ гонорара опредѣляется Редакціею. Возвратъ рукописей для Редакціи необязателенъ. Рисунки—возвращаются безусловно.

Пѣски моря.

Шумитъ и волнуется бурное море,
Гуляетъ бурунь на широкомъ просторѣ
И на берегѣ, въ брызги дробясь о скалы,
Одинъ за другимъ набѣгаютъ валы...

Кипятъ и мутятся бурливыя воды
И мелкія тучки, гонцы непогоды,
Подъ пѣсни могучей немолкнуцій гуль
Одна за другою по небу бѣгутъ.

Бѣгутъ и бѣгутъ, непрерывной чредою,
Скопляясь надъ скалъ молчаливой градою
И, въ грозную тучу сплотившись одну,
Лазурную—трауромъ красятъ волну...

И злобы кипучей, и ярости полны,
Рокочутъ, режутъ потемнѣвшія волны
И хмурое небо злобѣще молчитъ
И гдѣ-то вдали—буревѣстникъ кричитъ...

* * *

Къ морю тихому, безбрежному,
Прилетѣла птица чудная...
Спало море изумрудное,
Сну отдавшись безмятежному.

Опустясь надъ соннымъ колоссомъ,
Птица вѣщая, могучая
Морю спѣла пѣсни жгучія
Неземнымъ, волшебнымъ голосомъ...

Будто морю уготована
Рокомъ—доля благородная;
Жизнь привольная, свободная
Да оно—цѣпями сковано...

Услыхавши пѣсню жгучую
Со сномъ море распростилось,
Поднялося, раскатилось
Бурей грозною, могучею.

И смѣясь надъ цѣпью ржавою,
Плещутъ волны благородныя...
Море-жъ, бурное, свободное
Ихъ вѣнчаетъ вѣчной славою.

* * *

По житейскаго моря кипучимъ волнамъ
Плылъ въ борьбѣ изнемогшій пловецъ...
Онъ стремился къ чудеснымъ такимъ берегамъ,
Гдѣ хранился чудесный вѣнецъ...

Тотъ вѣнецъ—побѣдителей славой вѣнчалъ
И корону безсмертья имъ несъ,
Имена ихъ навѣкъ богъ временъ отмѣчалъ
Въ этомъ мірѣ страданій и слезъ...

Много смѣлыхъ стремилось за этимъ вѣнцомъ,
Много смѣлыхъ пускалося въ путь...
Только гибли въ дорогѣ пловецъ за пловцомъ,
Надрывались за грудью въ ней грудь...

Много, много погибло отважныхъ сердецъ,
Много взялъ ихъ безжалостный шквалъ...
Но онъ плылъ все впередъ, этотъ храбрый пловецъ,
И всѣ силы борьбѣ отдавалъ.

Все труднѣй и труднѣй было бремя борьбы
Съ разъяренной громадою волнъ,
Но стремится впередъ, противъ воли судьбы,
Онъ, отважной рѣшимости полнъ.

Вотъ цвѣтушіе видитъ пловецъ острова,
Все полно тамъ житейскихъ утѣхъ,
Рядъ красавицъ ему сыплетъ нѣги слова,
Слышитъ онъ ихъ заманчивый смѣхъ.

И жрецы предлагаютъ корону ему:—
«Помолись—только нашимъ богамъ!»
Но пловецъ—все впередъ, равнодушный къ всему,
Къ заповѣднымъ своимъ берегамъ...

А усталость—сильнѣй... Зарябилъ вѣтерокъ
И, вдругъ, поднялся бѣшеный шквалъ...
Истомленный пловецъ больше спорить не могъ
И, отдавшись волнамъ,—умиралъ...

И не жаль ему было ни тщетныхъ трудовъ,
Не страшилъ его ранній конецъ,
Но страдалъ, но рыдать былъ отважный готовъ:
—Не достигнуть чудесный вѣнецъ!..

Витязь умеръ... Но прежде, чѣмъ жизнь онъ скончалъ,
Его жизни достойнымъ концомъ,—
Геній Правды святое чело увѣнчалъ
Недостигнутымъ въ жизни вѣнцомъ.

Гр. Е.

Сказка о Сказкѣ.

Посвящаю бар. В. Л. Вольфъ.

Всемогущій Брама, создавъ вселенную, и съ нею—Землю, почилъ отъ творчества своего и наслаждался созерцаніемъ созданнаго. Затѣмъ онъ отвратилъ лицо свое отъ Земли и... позабылъ о ней и о человѣкѣ.

Прошли вѣка...

Великій Брама вспомнилъ о Землѣ и захотѣлъ узнать, что дѣлаютъ ея обитатели...

Властитель вселенной прислушался и... о, ужасъ!—Не крики радости, не шумъ довольства донеслись до божественнаго слуха... Съ далекой земли неслись звуки, незнакомые небу, обиталищу всеблаженства,—звуки не то стона, не то плача, горькихъ, безнадежныхъ рыданій.

Великій Брама былъ пораженъ до глубины сердца, если только боги имѣютъ сердца...

Полный горячаго желанія узнать, что случилось съ обитателями Земли, какъ использовали они данную имъ свободную волю, Великій Брама рѣшилъ послать къ нимъ одного изъ свѣтлыхъ геніевъ, ему подвластныхъ...

Его выборъ палъ на генія, который звался Радость.

«Пойди къ людямъ!» сказалъ Брама.—«Я слышалъ звуки, сказавшіе мнѣ, что люди не всѣмъ довольны... Я думаю, что ты, геній Радости, сдѣлаешь ихъ блаженными... Иди...

Геній Радости удалился... На землю...

Время текло... Брама съ любопытствомъ прислушивался къ звукамъ, что неслись съ земли... Ликъ его былъ мраченъ.

«Развѣ я не послалъ имъ Радости?»—говорилъ онъ. «Я не слышу радостныхъ звуковъ»... И глядя на безплотную свиту, приказывалъ:

— «Поди къ нимъ ты, Богатство, поди и помоги твоей сестрѣ, Радости, дать блаженство Человѣчеству»...

И величественно взмахивая серебристыми крыльями, спѣшилъ къ Землѣ новый посланникъ.

И еще разъ прислушивался Великій Брама, и еще разъ приказывалъ онъ окружающимъ его геніямъ...

И много, много разъ повторялось такъ...

И были, въ числѣ другихъ многихъ, посланы на далекую Землю могучіе геніи, звавшіеся Разумомъ, Честью, Талантомъ, Святостью, Довольствомъ, Весельемъ, Красотою, Правдою...

А Великій Брама, все мрачнѣе и мрачнѣе хмурилъ брови. Божественное чело отражало бурю, бушевавшую въ божественной душѣ Творца и властителя вселенной...

Великій Брама ждалъ, когда, наконецъ, его чуткое ухо уловитъ радостную перемену въ звукахъ, что доносились съ далекой Земли, когда, наконецъ, замолкнутъ эти звуки борьбы, горя и страданія, что взволновали божественную душу Великаго...

Но—увы!—Неблагодарная Земля не чувствовала, казалось, благодарній обладателя міра: буря борьбы, стоны боли и на- кипъ страданія продолжали звучать на далекой планетѣ...

Тогда Великій Брама приказалъ затрубить въ волшебный золотой рогъ, чтобы посланники неба, заслышавъ призывы Владыки, къ нему поспѣшили немедля... Раздались звуки...

Мелькаютъ въ атмосферѣ голубого неба серебристыя крылья... Одинъ за другимъ проносятся божественные силуэты, какъ дыханіе прибрежнаго, теплаго вѣтра, какъ мечтаніе поэтической души... Геніи, посланники неба, возвращаются къ престолу властителя Вселенной... На ослѣпительномъ тронѣ сидитъ божественный Брама... Мрачно сдвинуты его брови. Тоска и недоумѣніе въ очахъ... Онъ хочетъ знать, чѣмъ увѣнчались попытки его посланцевъ дать счастье и блаженство людскому роду...

Первымъ предсталъ Разумъ.

«Божественный Брама!»—завучалъ его голосъ... «Я вернулся къ Тебѣ, не достигнувъ цѣли: люди меня не оцѣнили, я имъ не нуженъ... Едва входилъ я въ людскую душу, едва приподнималъ передъ нею завѣсу невѣдѣнія, едва открывалъ уму человѣческому тайны мірозданія—обладатель души, избранной мною, проклиналъ то, чему поклонялся ранѣе, проклиналъ то, чѣмъ жило дотошъ его сердце; презиралъ то, что обожалъ... Болѣе того,—онъ начиналъ презирать самого себя—свое тѣло, за то, что оно было бrenно и зависѣло отъ времени... Нѣтъ, Повелитель, я безсиленъ дать людямъ блаженство!»...

«Я видѣлъ животную удовлетворенность въ тѣхъ, души коихъ служили мнѣ жилищемъ»—выступилъ геній Богатство... Но, Брама, если бы ты видѣлъ всю бездну мерзостей, лжи, пороковъ, чрезъ которые приходилось мнѣ стремиться—ты, божественный,—ты самъ отнял-бы у меня мою власть... Не я дамъ людямъ блаженство!»...

— «Я приносилъ людямъ одно глубокое изумленіе, порой ужасъ измѣны, часто—горечь разочарованія... Блаженства я не принесъ единой душѣ», сказалъ геній Истина...

Честь, Красота, Довольство, Веселье, другіе,—никто не принесъ Землѣ того, чего желалъ ей могущественный Брама... Честь—связывала людей и узы ея выносили немногіе избранные... Красота—открывала двери удовольствіямъ и лѣни, дорогъ къ порокамъ... Талантъ—сталкивался съ бездарностью и—увы!—она его побѣждала... Земля насмѣялась надъ божественными дарами неба и надменно возвращала ему ихъ...

А стоны боли, громы борьбы, плачъ страданія, продолжали терзать слухъ Великаго Брами.

«Какъ!» воскликнулъ повелитель неба... «Ужели здѣсь, среди мірадовъ подвластныхъ мнѣ геніевъ, нѣтъ ни одного, могущаго исполнить до конца мою волю? Пусть выступитъ впередъ смѣлый и если Земля, благодаря ему, узнаетъ хотя

крупницу блаженства,—ему не будетъ запретнаго во всемъ, чѣмъ обладаю я, Великій Брама»...

Всего лишь двое оказалось, среди сонмовъ, смѣлыхъ. Это были голубая, какъ утреннее небо, съ серебристыми крыльями, Сказка и мрачный, гордый, надменный и коварный геній—Обманъ...

«Я попробую дать блаженство Человѣчеству» прошептала Сказка...

«Я опьяню Человѣчество блаженствомъ» сказалъ Обманъ...

И геніи улетѣли...

Нѣжная, голубая Сказка стала мелодично нашептывать Человѣчеству свои рѣчи... Въ ея вдохновенномъ порывѣ вставало облагороженнымъ прошлое, прозрѣвалось будущее и настоящее стремилось къ подражанію великому въ прошломъ, желаемому въ будущемъ... Нѣжная Сказка утоляла голодъ и жажду, заставляла забывать объ усталости... Человѣчество мечтало и въ мечтѣ несло къ небу.

Небесная, святая сказка!...

Но Великій Брама тосковалъ по Сказкѣ... Она ласкала и вдохновляла его божественный слухъ и умъ и безъ нея онъ не могъ обходиться... Онъ приказалъ трубить въ рогъ призыва...

«Останься со мной, здѣсь»... сказалъ онъ прилетѣвшей Сказкѣ... «Люди обойдутся и безъ тебя, можетъ быть... Посмотримъ, не станутъ ли они счастливыми подъ крылами Обмана... А ты, моя Сказка, Расскажи мнѣ о Землѣ и людяхъ...

И Сказка ласкала ухо Великаго Брами... И подъ ея чарующія пѣсни Великій снова забылъ о Землѣ и людяхъ...

А на далекой Землѣ воцарился Обманъ. Коварный, хищный и злой. Ничтожество, ничтожное до величественности... Вампиръ...

Что за рѣчи шепталъ, пѣлъ, порой кричалъ онъ Человѣчеству! Наглую Ложь онъ выдавалъ за святую Правду; минуту—называлъ вѣчностью; порокъ—добродѣтелью и добродѣтель—порокомъ; подлость—заслугою и праведность—подлостью...

И Земля покрылась позоромъ: люди блаженствовали въ объятіяхъ Обмана и кланялись обману и ему служили. Великій Брама, оторвавшись на мигъ отъ очарованія Сказки, прислушался къ звукамъ Земли—Земля гудѣла довольствомъ... И успокоился за людей Брама, и Обманъ остался владыкой Земли и человѣка...

И только немногіе изъ людей, слышавшіе чарующія рѣчи нѣжной голубой Сказки съ серебристыми крыльями,—только немногіе страдаютъ отъ козней Обмана и ненавидятъ Обманъ... Въ ихъ мечтахъ живетъ чарующее воспоминаніе о неземной, чудной гостьѣ и вдохновенныя души ихъ рвутся туда, гдѣ живетъ она, нѣжная, голубая, съ серебристыми крыльями—Сказка...

— Къ небу...

Гамаюнъ.

Одна изъ многихъ.

Она красавица была,
На сценѣ гдѣ-то пѣла;
Артисткой «сносною» слыла,
Но... но успѣхъ имѣла...
По ней сходили всѣ сума,
О ней молва гремѣла...
Ждала поклонниковъ сума,
Она же богатѣла...
Конецъ извѣстный: домъ-дворецъ,
Милльоны въ ручкахъ властныхъ,—
И раззорившійся дѣлецъ,
И сотни жертвъ несчастныхъ...

—Я.

Божакѣ партіи, хоромъ: „О, позволь, ангель мой”...

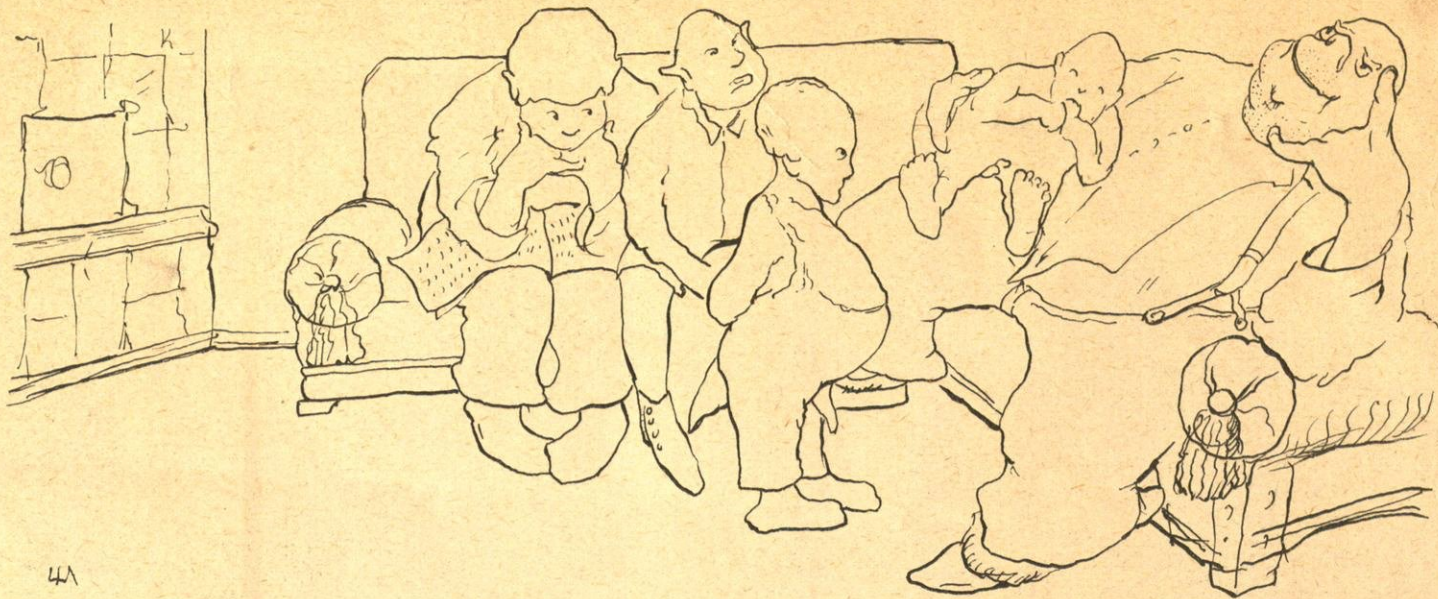

Тема. Гр. Е.

Рис. Бѣломорскаго.

Суфлеръ: „Батюшки мои! На одну Маргариту цѣлая сотня Фаустовъ!”

В ы б о р ъ к а р ь е р ы .

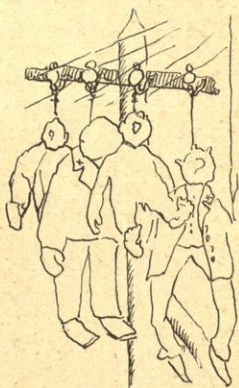

41

У меня четыре сына... В нынѣшнее тяжелое время я буквально не знаю, какую избрать для нихъ карьеру. Кѣмъ бы ихъ сдѣлать?..

общественными дѣтелями—
ихъ повѣсить на фонаряхъ.

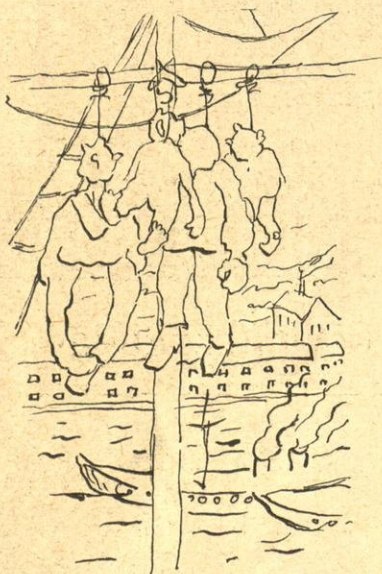
Телеграфистами—на теле-
графномъ столбѣ.

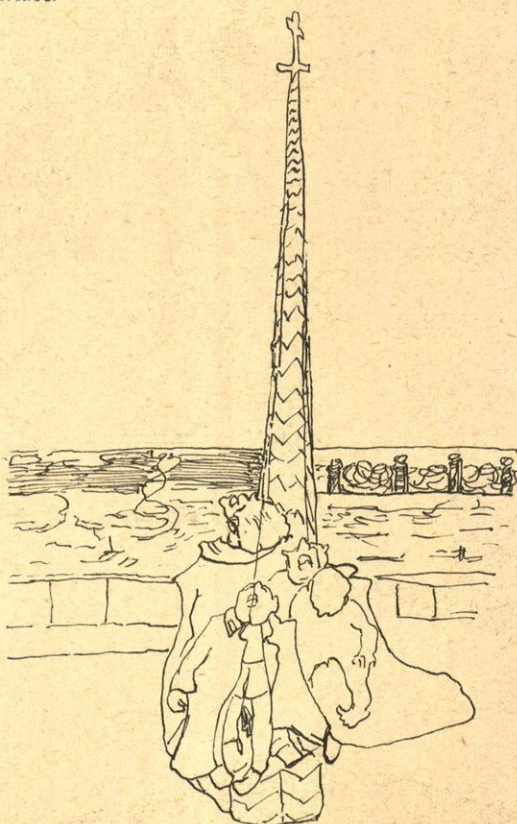
Лѣсниками—на древесныхъ
сучьяхъ.

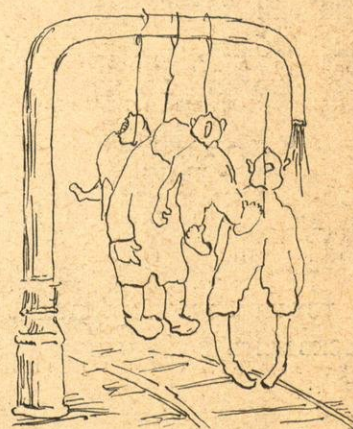
Помѣщиками—на воротахъ...

Матросами—на реяхъ.

Студентами... брр... даже страшно вспомнить.

Желѣзнодорожниками—на водочкѣхъ.

„Вампиръ“

Идея!.. Я ихъ сдѣлаю путешественниками въ Сахаръ... Тамъ, по крайней мѣрѣ, не на чемъ вѣшать людей...

Звѣриный судъ.

Басня.

Кто въ циркахъ не бывалъ? А кто бывалъ,—тѣ знаютъ

Какъ часто звѣри и скоты

Хоть съ виду и просты,

Огромное искусство проявляютъ:

Смѣшать подчасъ,—подчасъ и удивляютъ.

Искусство скотское издревле повелось:

И время прежнее скотами наслаждалось,

Но въ наши дни скотовъ такъ много завелось,

Что просто мѣста не осталось

Актерамъ изъ людей теперь:

Или скотина, или звѣрь,

Въ томъ поручиться можно смѣло.

Однако же—совсѣмъ не въ этомъ дѣло,

А въ томъ,

Что какъ-то вечеромъ,

По окончаньи въ циркѣ представленья,

Среди звѣрья вдругъ споръ возникъ:

Какой-то предложилъ шутникъ

На разрѣшенъе,

Почтенной братіи вопросъ:

Кто изъ всѣхъ скотовъ талантомъ превосходнѣй,

Кто всѣхъ умнѣй, всѣхъ благороднѣй,

Ну, словомъ, всѣхъ далѣко переросъ...

Мой Богъ, какой тутъ шумъ поднялся!

И такъ, и сякъ

Здѣсь всякъ

Перекричать другихъ старался,

Чтобъ доказать величіе свое:

Беззубый левъ кричитъ: „Звѣрье!

Я выше всѣхъ, глава надъ вами!“

Волкъ воетъ: „Я гроза и деревень и селъ!“

„Друзья!—волнуется лисица,—

Ну, кто умомъ со мной сравнится?“

„Пустое все!—реветъ оселъ,—

Вы всѣ годны лишь бить баклуши,

А я, хоть слабовать умомъ,

Но дѣло не во мнѣ самомъ:

Видалъ-ли кто мои длинные уши?..“

Тутъ въ споръ вступилась вся труппа обезьянъ.

Осла тюлени поддержали

И, можетъ быть, они побѣду-бъ одержали,

Другимъ скотамъ въ изьянъ,

Но

Суждено

Судьбой-ли ужъ такъ было,

Или какъ иначе, того не знаю я,—

Захрюкала свинья

И всѣ тотчасъ же порѣшили,

Что восхвалять себя напрасно поспѣшили

Читатели!—Мораль—вамъ предоставлю я:

Рѣшите:—кто была свинья?..

Грѣхъ.

Изъ дневника.

Такъ радостно я въ жизнь вошелъ

И съ вѣрой, и надеждой,

Но въ мірѣ ложь и зло нашелъ

Подъ золотой одеждой...

Я вѣрилъ въ торжество идей

И свѣтлыхъ, и высокихъ,

И видѣлъ въ грезахъ я людей

Отъ зла земли далекихъ.

Я душу пламенную несъ

Въ міръ скорби и страданій.

Житейскихъ не страшился грозъ
Въ дорогѣ испытаній...

Объятыя людямъ я раскрылъ
Въ порывѣ чувствъ высокою.—
Но я обманутъ ими былъ
Безжалостно, жестоко.

Ложь, зло, насилье обличалъ
Я съ рвеньемъ «Донъ-Кихота»,—
Мои усилія увѣнчалъ
Свѣтъ званьемъ «идіота»...

На смерть боролся съ сильнымъ я,
Не зная я отступленья...
Рѣшивъ, что «погибаю» я,
Съ гримасой сожалѣнья.

Меня покинули друзья
И первые каменья
Со злобой бросили въ меня,
Какъ знакъ ихъ отреченья.

Я свѣтъ громилъ въ своихъ рѣчахъ
Чужимъ трудомъ живущій,
Бѣднякъ же—на своихъ плечахъ
Весь гнетъ его несущій,

Рѣчей бодрящихъ не слыхалъ,
Предъ сильнымъ унижался,
Среди лишеній изнывалъ,
До срока разрушался...

Безплодно силы тратилъ я:
Ничто не измѣнилось,—
Прошла лишь молодость моя.
Да сердце тише билось...

Какъ встарь—повсюду зло царить,
И братъ идетъ на брата,
И покупаютъ честь и стыдъ
Цѣной позорной злата.

И сильнымъ льстивый гимнъ поетъ
Лжецовъ продажныхъ лира,
И пляшетъ весело народъ,
Какъ встарь, вокругъ кумира...

Донъ-Кихотъ.

Часть компилятивная.

Застольная пѣсня.

(Изъ современныхъ пѣсенъ не-Беранже).

Я былъ всегда пѣвцомъ страны родимой,
Я воспѣвалъ богатырей родныхъ...
Родной народъ! Ты—мой герой любимый!..
Богатыри?.. Готовъ воспѣть я ихъ;
Но гдѣ они?! Не тѣ-ль, что отступали
Средь чуждыхъ намъ Маньчжуріи полей?
Не тѣ-ль, что флотъ топили и сдавали,
Позоря знамя родины своей?
Быть можетъ, тѣ—кто съ дерзостью слѣпою
Стрѣлялъ въ дѣтей и женщинъ, какъ въ мишень,
За то, что тѣ съ ликующей толпою
Шли, празднуя свободы первый день?
Стихъ никогда мой не былъ фарисейскимъ,
Открыто шелъ онъ къ другу и къ врагу;
Опричникамъ, ворахъ и полицейскимъ
Хвалебныхъ одъ слагать я не могу!..

Полнѣй стаканы! Прочь всѣ оды!..

Идутъ на смѣну дни ночамъ...

Пою и пью я—въ честь свободы,

На страхъ свободы палачамъ!..

Преступны тѣ, кто—слабыхъ угнетая—
Чины за то хватаютъ, орденъ,—

Преступный тотъ, кто — рабство прославляя—
 Всѣхъ сталь-бы звать отъ жизни къ царству сна!
 Преступны тѣ, кто предлагаетъ камень
 Голодному, а хлѣбъ себѣ беретъ;
 Преступный вдвое — кто погаситъ пламень,
 Ведущий къ свѣту темный нашъ народъ!..
 Измѣнники народа, казнокрады,
 Поклонники нагайки и штыка,
 Потомство васъ осудитъ безъ пощады,
 Земля могилъ вамъ будетъ не легка;
 Исторія — судья нелицемѣрный—
 Произнесетъ надъ вами приговоръ,—
 Онъ будетъ кратокъ: „Стыдъ вамъ безпримѣрный!
 Позоръ вамъ, несмываемый позоръ!..“

Полный стаканы!.. Всѣ народы
 Презрѣнъ чествуютъ рабовъ...
 Пьемъ за расцвѣтъ родной Свободы,
 За гибель тюремъ и оковъ!

Но, кажется, я впалъ въ тонъ Ювенала?
 Опасный тонъ — по нашимъ временамъ!..
 Полиция-бы насъ не услышала,—
 Вѣдь довѣрять нельзя здѣсь и стѣнамъ:
 Ой-ой, тонки порой онѣ бываютъ!..
 Подслушаютъ, запишутъ всё, войдутъ,
 На мѣстѣ преступления поймутъ
 И — за Неву въ каретахъ повезутъ...
 Не бойтесь! Нѣтъ... Я подшутилъ надъ вами,—
 Нѣтъ мѣста въ тюрьмахъ... Гдѣ-жъ набраться имъ?..
 Войдутъ сюда, — съестъ пригласимъ ихъ съ нами
 И дѣпьяна ихъ всѣхъ перепоимъ...
 Пусть входятъ, пусть!.. Свободою собраній
 Насъ подарилъ октябрь: разрѣшено
 Тамъ избирать мѣста для засѣданій,
 Гдѣ продаютъ казенное вино...

Полный стаканы!.. Прочь невзгоды!..
 Для вольной пѣсни — нѣтъ цѣпей...
 Проклятье всѣмъ врагамъ Свободы,
 Иудамъ родины своей!..

„Заноза“.

Евстигней Нагайкинь.

Дворяне.

Благодѣтели христіанскіе,
 Предводители дворянскіе
 Со всея Руси съѣзжались,
 Въ одну кучку собирались
 И лишь къ дѣлу приступили,
 Разобрать вопросъ рѣшили:
 Какъ спасти имъ Русь любимую,
 Треволненіями губимую?
 По недолгомъ разсужденіи,
 Они вынесли рѣшеніе:
 Обезпечить неотложно
 Всѣхъ дворянъ безъ исключенія,
 А безъ этого — спасеніе
 Для Россіи невозможно.

„Волш. Фон.“.

В.

Старая погудка на новый ладъ.

Былъ домъ,
 Гдѣ подъ окномъ
 И чижь и соловей
 Висѣли
 И пѣли.
 А то, еще былъ домъ,
 Гдѣ за рѣшеткой, подъ замкомъ,
 Редакторы газетъ
 Сидѣли,—
 Но тѣ... не пѣли.

Забіяка.

Витязь.

По тропѣ, въ лѣсу дремучемъ,
 Звонко брякая уздой,
 На конѣ своемъ могучемъ
 Ъдетъ витязь удалой;
 Онъ въ кольчугѣ и кафтанѣ,
 У сѣдла привязанъ лукъ,
 За его спиной — въ колчанѣ—
 Стрѣлы каленыхъ цѣлый пукъ.
 Тихо дрему навѣвая,
 Боръ таинственно шумитъ,
 Тяжело впередъ ступая,
 Конь испуганно храпитъ;
 Трудно дышится въ неволѣ—
 Въ этомъ сумракѣ лѣсномъ;
 Онъ привыкъ на бранномъ полѣ
 Гарцовать подъ сѣдокомъ,
 Съ буйнымъ вѣтромъ породнившись,
 Вслѣдъ за нимъ летѣтъ стрѣлой,
 Съ грознымъ недругомъ сразившись,
 Отдыхать въ степи глухой!
 Витязь мраченъ; словно тучей
 Отуманенъ свѣтлый ликъ,
 Головой своей могучей
 Онъ въ раздуміи поникъ.
 Пѣсня воли не поется:
 Витязь сердцемъ изнемогъ,
 Подъ кольчугой оно бьется,
 Какъ израненный звѣрекъ.
 Чѣмъ же всадникъ озабоченъ,
 И смущается онъ чѣмъ?
 Вѣрный мечъ его — отточенъ,
 И горитъ, какъ солнце, шлемъ;
 Никогда боецъ веселый
 Не терпѣлъ сердечныхъ ковъ,
 И не разъ ужъ мечъ тяжелый
 Притуплялся о враговъ.
 Но сегодня, въ полѣ чистомъ,
 Острой, мѣткою стрѣлой
 Имъ — подъ облакомъ волнистымъ—
 Раненъ соколъ молодой...
 Въ битвы тяжкія годы
 Много онъ враговъ разилъ,

Но ни разу безъ причины
 Витязь крови не пролилъ.
 И теперь она о мщеніи
 Громко молить небеса!
 Оттого, въ такомъ смущеніи,
 Витязь прячется въ лѣса;
 Оттого и боръ дремучій
 Такъ таинственно гудеть,
 Оттого и конь могучій
 Спотыкаячись идетъ.
 Очи витязя горѣли,
 Былъ нахмуренъ свѣтлый ликъ,
 А въ бору шептались ели,
 И въ поляхъ свистѣлъ куликъ.

М. Ольшанскій.

„Бура“.

44 ГЕНЕРАЛА.

Какъ повѣрить въ вѣсть такую?
 Изъ военного совѣта
 Вдругъ уволены „въ чистую“
 Сразу — сорокъ и четыре
 Генераловъ, адмираловъ!
 Ахъ, ужасная картина!
 Разомъ отняты оклады...
 Въ чемъ вина ихъ? Гдѣ причина?
 Жили тихо, жили сладко,—
 Вдругъ въ отставку! Какъ же это?
 Ахъ, я понялъ! Вся загадка—
 Въ сокращеніи бюджета.
 Извините, генералы,
 Извините, ради Бога!
 Вы... трудились слишкомъ мало,
 Получая слишкомъ много!

„Забіяка“

О-нѣ.

Нигдѣ не помѣщенное стихотвореніе Д. Минаева.

У памятника Петра Великаго.

Дантонъ подъ шапкой Мономаха,
 Звѣрь, геній, труженикъ, герой,
 Своей дубинкою съ размаху
 Разбилъ онъ древней жизни строй.

* *

Своими мощными трудами
 Съ Европѣ мѣсто русскимъ далъ,
 И часто вмѣстѣ съ бородами
 Славянамъ голову срывалъ.

* *

Того не вѣдалъ онъ заранѣ,
 Что нашъ братъ-русскій жить здо-
 ровъ,

И до-петровскіе славяне
 Живутъ донинѣ безъ головъ...

„Заноза“

„ЖУРНАЛЪ-ЖУРНАЛОВЪ“

Роскошно иллюстрированный, въ 3—4 краски, выхо-
 дитъ еженедѣльно, въ объемѣ 8—16 стр. in quarto.
 Программа — литературная и художественная иллю-
 страція всего выдающагося въ общественной и по-
 литической жизни. Богатый оригинальный отдѣлъ.
 Собствен. художники и каррикатуристы. **Обзоръ и**
выдержки всего выдающагося изъ сатирич. и
 др. газ. и журн. Цѣны: на годъ 3 р., 6 м. 1 р. 75 к.,
 3 м. 1 р. Отд. №№ 10 коп.

Кромѣ Гл. Конт., принимаютъ подписку контора Метцль и кіоски Пташникова.

Объявленія

въ „Журналъ-Журналовъ“ принимаются по цѣнѣ:
 за 1 страницу 130 руб., $\frac{1}{2}$ стр. 70 руб., $\frac{1}{4}$ стр. 40 руб.
 За строку 50 коп. Оптомъ большіе %.

Адресъ Конторы и Редакціи: Спб., Невскій пр., д. № 94, кв. 8.

Отв. Редакторъ Н. П. Малиновскій.
 За Издателя Н. П. Малиновскій.

СОДЕРЖАНІЕ № 5:

- 1) *Девятый валъ* — рис. соб. худ. П. Костылева.
- 2) *Пѣсни моря* — стихотв. Гр. Е.
- 3) *Сказка о Сказкѣ* — Гамаюнъ.
- 4) *Одна изъ многихъ* — стихотв. Я.
- 5) *Звѣриный судъ* — Грифа.
- 6) *Изъ дневника* — стихотв. Донъ-Кихота.
- 7) Часть компилятивная.
- 8) Рисунки соб. худ. гг. Костылева и Бѣломорскаго и С—ва.
- 9) Объявленія.

„Сѣверная Печатня“. С.-Петербургъ, Милліонная 12.

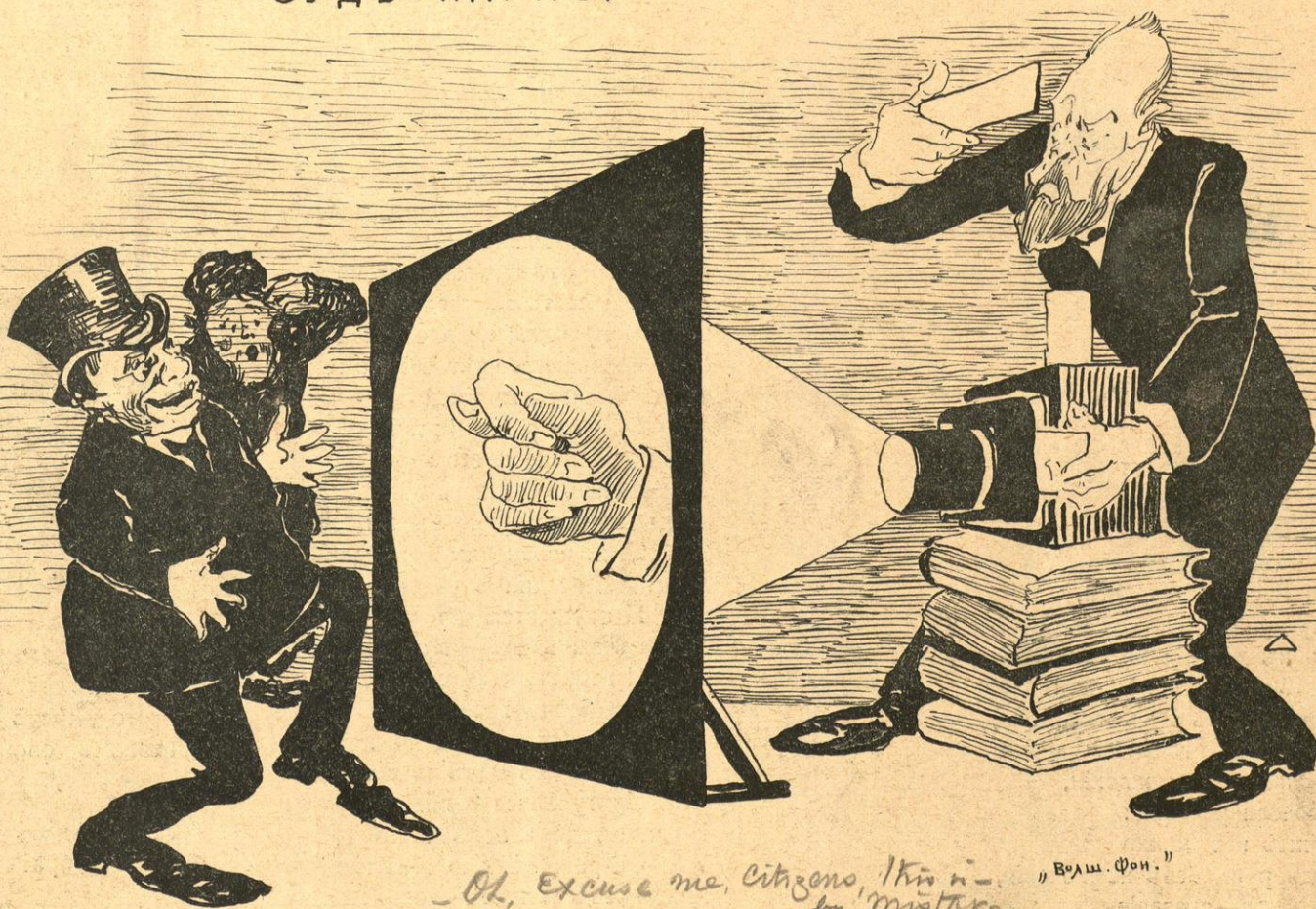
„Н.В.Вр.“

The trial of Paris
СУДЪ ПАРИСА.

„Пѣсня безъ словъ“ Мендельсона.
(Берлинское изданіе).

„A song without words“
by Mendelssohn

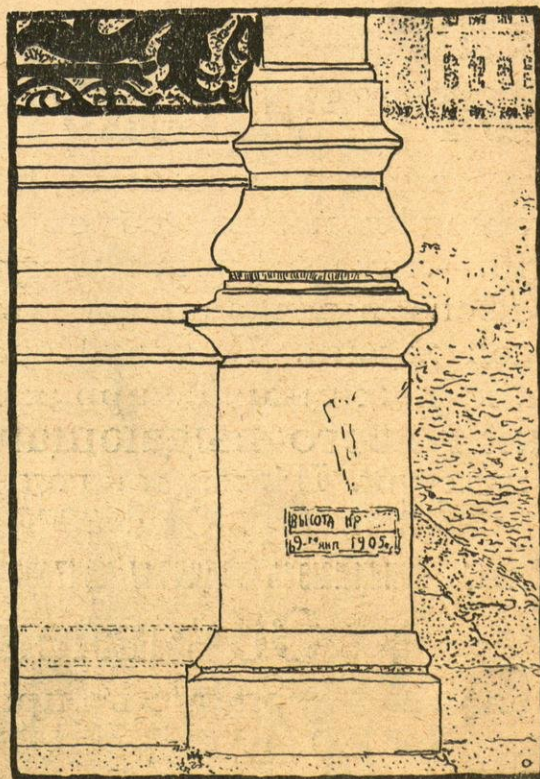
— Охъ, excuse me, citizens, I'm in a mistake.
— Ахъ, извините, граждане, Это — по ошибкѣ.

„Волш. Фон.“

„Свѣтъ“

Freedom of conscience

„Буря“